

Российская академия наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Государственный Исторический музей

Е. М. Юхименко

ВЫГОВСКАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ПУСТЫНЬ

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА

Том I

Научный редактор
Н. В. Поньрко

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2002

ББК 63.3(2)
Ю 94

Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 96-04-06152

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 00-04-16049

Фотографы:

В. М. Бойко, П. А. Медведев, В. П. Родин, К. В. Сафронов

Юхименко Е. М.

Ю 94

Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. Т. I / Науч. ред. Н. В. Понырко. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 544 с.: ил. — (Studia historica).

ISBN 5-94457-033-4

Монография представляет собой впервые предпринятое исследование определяющего влияния духовной жизни и задач культурного строительства на литературу крупнейшего в России старообрядческого центра. На основе изучения документального материала и обширного рукописного наследия Выго-Лексинского общежития восстанавливается начальная история поселения, дается анализ основных направлений деятельности выговских книжников по организации культурной и церковной жизни монастыря. В работе подробно рассматриваются сложившиеся на Выгу традиции почитания наставников и прославления благодетелей, сформировавшие литературную культуру поздравительных, надгробных и воспоминательных слов и определившие характер выговской агиографии.

Во второй том вошли указатель новонайденных сочинений выговских писателей, каталог автографов выговских писателей и книжников, описание рукописно-книжного собрания Выго-Лексинского общежития и трех редакций Поморского Торжественника, аннотированный именной указатель к «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова.

Книга предназначена для историков, филологов, искусствоведов и всех интересующихся историей и культурой старообрядчества.

63.3(2)

*В оформлении переплета использованы фрагменты
настенного листа «Родословное древо Андрея и Семена Денисовых»,
настенный лист «Семен Денисов, Иван Филиппов, Даниил Викулин»
и фрагмент меднолитого складня «Деисус с предстоящими»*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-033-4

9 785944 570338 >

© Е. М. Юхименко, текст, указатели, подбор иллюстраций, 2002

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	7
Глава 1. Исторические корни и духовные истоки Выга.....	15
Глава 2. Культурное строительство: необходимые основы.....	65
1. Рукописно-книжное собрание Выго-Лексинского общежительства.....	67
2. Организация церковной жизни: слова на церковные праздники и Поморский Торжественник	114
3. Иконописание и литье медных икон.....	171
4. Историческая память о старообрядческих подвижниках: проблема достоверности выговских исторических сочинений	192
5. Местные святыни: начало почитания.....	226
Глава 3. Традиции духовной жизни и литературное творчество	243
1. Родственные связи и духовное единство.....	245
2. Почитание наставников	286
3. Литературная культура надгробных слов.....	357
4. Первые киновииархи в агиографии	407
5. Отношения с другими поморскими общинами и прославление благодетелей	462
Заключение	513
Список сокращений.....	517
Список иллюстраций.....	519
Указатель имен.....	525

ВВЕДЕНИЕ

Выго-Лексинское общежитие, возникшее в 1694 г. в Поморье, сыграло значительную роль не только в истории старообрядчества как один из крупнейших его центров; также заметна его роль как одной из составляющих частей русской культуры XVIII—XIX вв. в целом: созданные в северной обители памятники книжности, иконописи, декоративно-прикладного искусства помимо церковного имели несомненно высокое художественное значение. На проходившем в 1912 г. в Москве Втором Всероссийском соборе старообрядцев поморского согласия Ф. А. Калинин (впоследствии известный реставратор живописи и коллекционер), рассказав о состоянии построек некогда процветавшего общежития, закрытого государственными властями в 1854—1856 гг., говорил: «...Известно, что вещественные памятники Выгорецкого монастырского обихода имеют не только материальную ценность, но и научное значение: книги Даниловского письма ценятся не одними старообрядцами, а вследствие художественного исполнения и интересного содержания сочинения поморских отцов приобретаются государственными книгохранилищами и любителями. Даниловскими иконами и крестами-намогильничками украшаются лучшие русские музеи и частные собрания»¹.

Изучение истории и культуры Выговского общежития началось в 1860-х гг. с введения в научный оборот и публикации выговских литературных памятников². Среди исследовательских работ XIX—начала XX в. особо выделяются труды Е. В. Барсова и В. Г. Дружинина, пользовавшихся материалами своих богатейших рукописных собраний³. Значительная часть

¹ Второй Всероссийский собор христианского поморского церковного общества. М., 1913. С. 193.

² Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862; [Денисов С.] История о отцах и страдалцах Соловецких (рукопись XVIII ст.) // Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб., 1863. Т. 2. Материалы и сообщения. С. 3—55; Беллев И. Д. Слово надгробное блаженным памяти боголюбивому Выгопустынного общежития епископу Петру Прокопьевичу; сочинено того же общества господином Андреем Дионисиевичем // Русская старина. СПб., 1879. Т. 26. Ноябрь. С. 524—537; Выгорецкий летописец // Братское слово. М., 1888. № 10. С. 793—815.

³ См.: Барсов Е. В. 1) Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. СПб., 1874; 2) Уложение братьев Денисовых // Памятная книжка Оло-

письменного наследия пустыни нашла отражение в указателе В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев»⁴. Постепенно стали появляться работы, посвященные истории общежития (Д. Н. Островский, П. Г. Любомиров, Р. Крамми)⁵, созданной здесь литературной школе (В. Г. Дружинин, Н. В. Понырko)⁶, историческим сочинениям (Н. С. Гурьянова)⁷; на сегодняшний день изучен целый ряд отдельных памятников (Н. В. Понырko, Н. Н. Покровский, Н. С. Демкова, Н. С. Гурьянова, А. И. Мальцев, Дж. Саливан, Д. Н. Брещинский, В. П. Бudaraгин, Г. В. Маркелов, Ф. В. Панченко,

нецкой губернии за 1868—1869 г. Петрозаводск, 1869. Ч. 3. С. 85—116; 3) Четыи Ми-
неи братьев Денисовых // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917.
С. 663—708; 4) Андрей Денисов Вторушин как выгорецкий проповедник // ТКДА.
Киев, 1867. Т. 1 (январь—март). С. 243—263; Т. 2 (апрель—июнь). С. 81—95; 5) Семен Де-
нисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII в. // ТКДА. Киев, 1866. Февр.
С. 174—230; Июнь. С. 168—230; Июль. С. 285—304; Дек. С. 570—588; 6) Алексей Ро-
дионов, ученик Семена Денисова // ТКДА. Киев, 1867. Т. 1 (январь—март). С. 48—81;
7) Иван Филиппов, выговский историк и настоятель // Памятная книжка Олонецкой
губернии за 1867 г. Петрозаводск, 1867. С. 54—100; Дружинин В. Г. 1) Словесные нау-
ки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911; 2) Поморский Торжественник //
Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 34—55; 3) Поморские
палеографы начала XVIII ст. // ЛЗАК за 1918 г. Пг., 1923. Вып. 31. С. 1—66; 4) Не-
сколько автографов писателей-старообрядцев. СПб., 1915; 5) Подлинная рукопись
Поморских ответов и ее издание // Изв. ОРЯС. СПб., 1912. Т. 12. Кн. 1. С. 53—77;
6) К вопросу об авторе сокращения «Великой науки» Раймунда Люллия // Изв.
ОРЯС. СПб., 1914. Т. 19. Кн. 1. С. 342—344.

⁴ Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составлен-
ный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912.

⁵ Островский Д. Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого
раскола. Петрозаводск, 1914; Любомиров П. Г. Выговское общежитие. М.; Сара-
тов. 1924; Crummeу R. 1) The Old Believers and the World of Antichrist. The Vyg
community and the Russian state. 1694—1855. Madison, Milwaukee, London, 1970;
2) Историческая схема выгорецких большеаков // Традиционная духовная и матери-
альная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и
Америки. Новосибирск, 1992. С. 90—96.

⁶ См. указанные работы В. Г. Дружинина, а также: Понырko Н. В. 1) Выговская ли-
тературная школа в первой половине XVIII ст.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук.
Л., 1979; 2) Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРА. Л., 1974. Т. 29.
С. 274—290; 3) Учебники риторики на Выгу // ТОДРА. Л., 1981. Т. 36. С. 154—162;
Crummeу R. The Cultural Worlds of Andrei Borisov // Forschungen zur osteuropäischen
Geschichte 54. Berlin, 1998. S. 65—70.

⁷ Гурьянова Н. С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в. Ново-
сибирск, 1996.

Е. М. Юхименко и др.)⁸. В последнее время был значительно расширен круг документальных источников по истории Выга, выявлены неизвестные ранее сочинения, что существенно изменило наши представления о творчестве отдельных писателей, жанровых границах и стилистическом своеобразии литературной школы.

⁸ См., например: *Поньрко Н. В.* Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // ТОДРА. Л., 1974. Т. 29. С. 154—169; *Покровский Н. Н.* Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 г. // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 46—70; *Демкова Н. С.* Вновь найденный подлинник «Дела об олонцеком раскольнике Терешке Артемьеве» 1695 г. // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.). М., 1994. С. 176—189; *Демкова Н. С., Ярошенко Л. В.* Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVIII в. «История пострадавших отец Филиппа и Терентия» // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 174—191; *Гурьянова Н. С.* 1) «Житие» Ивана Филиппова // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 227—253; 2) Дополнение к «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 221—245; 3) «Описание о нелепых случаях и необычных пустынному житию действиях, внесшихся от своевольников» // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 225—246; *Мальцев А. И.* Неизвестное сочинение С. Денисова о Тарском «бунте» 1722 г. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 224—241; *Sullivan J.* Vertograd dukhovny: an extended edition of Simeon Denisov Vinograd Rossiyskiy // Slavonic and East European review. 1980. Vol. 58. № 4. October. P. 500—523; *Sullivan J., Drage C. L.* Poems in unpublished manuscript of the «Vinograd Rossiiskii» // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1968. Vol. 1. P. 27—49; *Брецинский Д. Н.* 1) Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // ТОДРА. Л., 1979. Т. 33. С. 127—141; 2) Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции (тексты) // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 62—107; *Поньрко Н. В., Будагагин В. П.* Автографы выговских писателей // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 174—200; *Будагагин В. П.* Биография петербургского купца Ф. К. Долгого в старообрядческом синодике конца XVIII—начала XIX в. // In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 321—325; *Маркелов Г. В., Панченко Ф. В.* 1) О литургическом творчестве выговцев // ТОДРА. СПб., 1996. Т. 50. С. 220—228; 2) О гимнографическом творчестве на Выгу // ТОДРА. СПб., 1999. Т. 51. С. 417—426; *Карманова О. Я.* Об одном из источников выговского Жития инока Епифания // ТОДРА. СПб., 1996. Т. 49. С. 410—415; *Юхименко Е. М.* 1) «Виноград Российский» Семена Денисова (текстологический анализ) // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 249—262; 2) Повесть об осаде Соловецкого монастыря Семена Денисова — памятник выговской литературной школы первой половины XVIII в.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1991.

Изученность отдельных вопросов позволяет перейти к проблеме связи литературы и духовной жизни пустыни. Плодотворность такого подхода демонстрируют две работы Н. В. Поньрко. В одной из них исследователь показывает, как в трудный для пустыни период, связанный с заключением Семена Денисова в новгородской тюрьме в 1713—1717 гг., чувство духовного единения поддерживало всех выговцев; возникновение «духовной оседлости» привело к оседлости географической, что знаменовало собой переломный момент в истории пустыни и имело следствием расцвет литературного творчества⁹. В статье «Эстетические позиции писателей выговской литературной школы»¹⁰ в сжатом виде представлена картина культурного строительства на Выгу. Автор, в частности, пишет: «Для сторонников старой веры на первый план (к первой половине XVIII в. — Е. Ю.) выступает не проповедание истины, а задача самосохранения. Не оказавшись в состоянии “обратить” всю послениконовскую Россию, старообрядцы теперь не столько борются с ней, сколько противопоставляют ей самих себя. Пришло время культурного строительства»¹¹. В работе анализируется отличие писательского типа первых учителей староверия и книжников следующего поколения, на материале сочинений различных жанров характеризуются эстетические установки литературной школы Выга.

Определяющее влияние духовной жизни проявилось во всех сферах выговской культуры. Мощный созидательный импульс, характеризующий старообрядческое движение первой половины XVIII в., когда апостольская проповедь протопопа Аввакума и его единомышленников сменилась задачей самосохранения, отличал деятельность первых киновиархов поморской пустыни. Ими и их учениками были предприняты грандиозные — для одной старообрядческой общины и относительно небольшого временного отрезка — труды по собиранию библиотеки, составлению Торжественника, Четиих Миней, устава, написанию истории старообрядчества в целом и своего общежития. Эти мероприятия выговских книжников известны в общих чертах и каждое в отдельности. Но общего исследования всего культурного строительства, его основополагающих идей и ведущих тенденций до сего времени не предпринималось. Такой

⁹ Поньрко Н. В. Проблема «культурной оседлости» на примере одного эпизода из истории Выговской поморской пустыни // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 297—303.

¹⁰ Поньрко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 104—112.

¹¹ Там же. С. 110.

подход необходим для понимания сущности выговской культуры и ее места в культуре России переходного периода и Нового времени.

Созданное в Поморье общежитие представляет собой сложное явление, сочетающее черты старого и нового.

Вполне понятно, что, организовывая общежитие, обустривая его церковную, духовную и культурную жизнь, старообрядцы ориентировались на древнерусскую, средневековую модель. В богослужении сохранялись старопечатные книги и пение по крюковым нотам, писцы и иконописцы во всем следовали старинным приемам этого мастерства, система литературных жанров также в главных своих чертах повторяла древнюю. Поэтому выговский материал с полным основанием может служить источником при изучении проблем предшествующего хронологического периода. В подтверждение данного тезиса можно сослаться на статью Д. М. Буланина «О некоторых принципах работы древнерусских писателей», в которой как однотипные рассматриваются писательские приемы Максима Грека, протопопа Аввакума и авторов «Поморских ответов»¹².

По характеру возникновения и внутреннему устройству, религиозным и культурным задачам Выговское общежитие типологически близко к крупнейшим древнерусским монастырям. Начинаясь с затерянных в глухих лесах Обонежья келий монахов-отшельников и их учеников, оно довольно быстро (уже в начале XVIII в.) выросло в большую киновию с крепким хозяйством, должностной иерархией, регламентированным распорядком. Выг стал центром поморского беспоповского согласия, высшим его авторитетом и местом паломничества.

Старообрядческое общежитие сознательно строилось как монастырь. Его основатели воспользовались уставами Кирилло-Белозерской, Троице-Сергиевой, Иосифо-Волоколамской и Соловецкой обителей. Выписки из этих памятников встречаются уже в ранних выговских сборниках и представляют собой начальный этап выработки собственного устава пустыни. Традиции древнерусской монастырской жизни Выг впитывал не только через книги, но и непосредственно, благодаря монахам, покинувшим свои обители после введения в них новых обрядов и переселившимся на Выг.

Получили продолжение в старообрядческой общине и культурные начинания древнерусских обителей. Была собрана богатейшая библиотека рукописей и старопечатных книг, создан скрипторий, продукция которого расходилась по всей России. Подобно тому как это было в Ио-

¹² См.: Буланин Д. М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРА. Л., 1983. Т. 37. С. 3—13.

сифо-Волоколамском монастыре (наследие которого изучено достаточно полно)¹³, на Выгу сложились разнообразные книжные формы почитания наставников: сохранялись их автографы и черновые материалы их архивов, составлялись сборники их произведений, создавались произведения историко-биографического характера.

Формирование выговской культуры происходило в Петровскую эпоху, которая по праву считается переломной в культурном развитии России. К настоящему времени литература «переходного периода» изучена достаточно полно¹⁴, но сам характер этого сложного явления, отличающегося чрезвычайной пестротой и многообразием форм, позволяет — по мере изучения нового материала — вносить необходимые дополнения в общую картину. Литературе Выга принадлежит особое место: она «дает очень многое для понимания русской культуры первых десятилетий XVIII в.»¹⁵.

Особенность выговского культурного феномена заключается в том, что он не ограничивается только продолжением древнерусских, дониконовских традиций. В некоторых отношениях образцом для выговцев служила и пышная барочная культура второй половины XVII в. Стилистическая преемственность выговских сочинений по отношению к литературе барокко не вызывает сомнений. Интереснее обнаружить сходство между московскими придворно-приказными кругами и затерянной в поморской глуши старообрядческой обителью в проявлениях литературной культуры¹⁶. Богатство художественного оформления рукописных книг,

¹³ См.: Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991.

¹⁴ См.: *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973; *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; *Он же.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984; *Демин А. С.* Русская литература второй половины XVII — начала XVIII в.: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977; *Сазонова Л. И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). М., 1989; *Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994; *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996.

¹⁵ История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 416 (раздел написан А. М. Панченко и Г. Н. Моисеевой).

¹⁶ Необходимо отметить чрезвычайную плодотворность для изучения выговской школы применения понятия «литературная культура», под которой понимается вся совокупность проявлений литературности. Этот подход был научно обоснован и блестяще реализован в монографии С. И. Николаева (см.: *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи).

изготовление подносных экземпляров и отдельных листов, произнесение поздравительных и надгробных слов, поэтическое творчество показывают — казалось бы, невозможную с идейных позиций — близость культурных установок непримиримых участников религиозного спора¹⁷. Требуют подробного рассмотрения и связи Выга с литературной культурой Петровской эпохи.

Принципиально новая постановка вопроса, представленная в настоящем исследовании, — изучение литературы крупнейшей старообрядческой общины не изолированно, а в тесной связи с проблемами ментальности и духовности — стала возможной в результате значительного расширения источниковой базы. Нами было обнаружено около 460 неизвестных ранее литературных памятников выговской школы; для многих сочинений, вошедших в указатель В. Г. Дружинина, были уточнены авторство и время написания.

Многообразие и полнота привлекаемых источников позволяют представить всестороннюю картину духовной жизни Выговской пустыни и изучить характер отражения ее в литературе. Выявленные в архивах документы, дополняемые сообщениями старообрядческих авторов, дают возможность проанализировать исторические корни и духовные истоки поморского общежития. Находка значительной части выговской библиотеки, ранее считавшейся утраченной, ставит нас перед необходимостью предпринять новое исследование целого ряда проблем книжной и литературной школы. Представляется крайне важным рассмотреть, как задачи церковного строительства определяли развитие тех или иных жанров, каким образом историческая память влияла на процесс собирания свидетельств о старообрядческом движении в различных регионах России и создание на их основе исторического цикла произведений.

Заложив необходимые основы своей культуры, выговцы перешли к формированию собственных традиций. Для подробного исследования нами были выбраны традиции почитания наставников и прославления благодетелей, нашедшие чрезвычайно разнообразное отражение в литературе Выга.

Используя преимущественно новый материал, мы попытались осветить узловые моменты связи духовной жизни и литературы Выга, пред-

¹⁷ Важные для нашего исследования аспекты барочной культуры изучены достаточно полно. Помимо названных работ А. М. Панченко и Л. И. Сазоновой см. также: Сазонова Л. И. Рукопись в культуре русского барокко (XVII век) // Рукопись сквозь века (рукопись как культурный феномен на различных этапах литературного развития): Материалы русско-французского colloquium. М.; Париж; Псков, 1994. С. 31—39.

ставить старообрядческое общежитие как целостное явление отечественной культуры.

* * *

Я с радостью пользуюсь возможностью поблагодарить всех, кто оказывал мне помощь и поддержку в моих разысканиях. Я глубоко благодарна моему учителю Н. В. Понырке, определившей мою научную судьбу и стоявшей у истоков этого исследования. Я благодарна светлой памяти Д. С. Лихачеву и его Отделу, где на протяжении многих лет мне была предоставлена возможность обсуждать все находки и гипотезы. Выражаю признательность Е. К. Ромодановской, Н. С. Демковой и С. И. Николаеву за ценные консультации. Благодарю сотрудников Древлехранилища Пушкинского Дома и рукописных отделов БАН, ГИМ, РГБ, РНБ и РГАДА, доброжелательно предоставлявших материалы и помогавших в работе. Я признательна В. А. Любартовичу и А. В. Хвальковскому за неизменно добросердечную поддержку моих занятий. Отдельная благодарность В. П. Бударягину, Е. Г. Водолазкину, Ю. А. Грибову, Е. В. Крушельницкой, О. В. Панченко, А. В. Пигину и Т. Р. Руди, особенно тесно сотрудничавшим со мной и щедро делившимся своими наблюдениями над древнерусской книжностью.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ ВЫГА

Возникновение и первые годы существования Выговской пустыни представляют собой наиболее важный и вместе с тем наименее изученный период в полуторавековой истории крупнейшего в России беспоповского центра. Основными источниками сведений о начале Выго-Лексинского общежития служат созданные здесь литературные памятники, прежде всего Слово надгробное Петру Прокопьеву Андрея Денисова и «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова. На эти источники в основном и опираются исследователи. Документальный материал по ранней истории Выга был почти неизвестен¹. Находки последних лет позволили восполнить этот пробел и воссоздать более детально предысторию, организацию и становление общежития.

В последней четверти XVII в., с ужесточением преследований старообрядцев, Поморье стало местом прибежища для недовольных церковной реформой патриарха Никона: удаленность от центра, труднодоступность и малозаселенность этого края оставляли староверам надежду укрыться от «мира антихриста». Монахи, покинувшие Соловецкий монастырь во время его осады царскими войсками в 1668—1676 гг., стали главными проповедниками древнего благочестия в Поморье.

¹ Расспросные речи 1695 г. шунжанина Терешки Артемьева, прожившего несколько месяцев в общежитии инока Корнилия, были опубликованы Е. В. Барсовым (ЧОИДР. 1882. Кн. 3. Отд. 5. С. 35—40) и переизданы с привлечением фрагмента, опущенного в публикации Барсова, Н. С. Демковой (*Демкова Н. С. Вновь найденный подлинник «Дела об олонецком раскольнике Терешке Артемьеве» 1695 г. // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.). М., 1994. С. 176—189*). Были опубликованы также две отписки Афанасия Холмогорского 1702 г., касающиеся поимки и расспроса старообрядца Ивана Емельянова (ЧОИДР. 1882. Кн. 3. Отд. 5. С. 40—41; *Верюжский В. Выговская пустынь в первые годы существования. Грамота холмогорского архиепископа Афанасия на имя царя, от 1702 г. // Христианское чтение. СПб., 1904. Т. 217. Ч. 2. С. 748—750*).

Соловецкие выходцы имели самое непосредственное отношение к Выговскому общежителюству. Черный дьякон Игнатий часто посещал в Повенце дом Дионисия Евстафьева, отца основателей пустыни, и Андрей Денисов был его крестником (Барс—156, л. 14)². По свидетельству Жития Семена Денисова, Игнатий «приходяше же часто в дом родителей сего мужа Симеона, наставляя на пажить древлего благочестия оныя. <...> Сего аще за малолетство и не помняше сей Симеон, обаче брат его премудрый Андрей добре помъняше и всякаго от него медоточнаго учения насыщен баше» (Барс—64, л. 16 об.). О тесных отношениях Даниила Викулина с соловецким иеромонахом сообщает выговский историк Иван Филиппов. Игнатий, «пришед ис каргополских предел, живяше близ Повенца в Выговской пустыни и, выходя в село Повенецкое, и в Шунское, и в Толвуйское <...> часто с ним того Шунского села церковной дьячек именем Даниил Викулов беседоваше»³. Даниил Викулин был собеседником и другого соловецкого выходца — чернеца Пимина; именно Пимин предсказал будущему выговскому киновиарху его судьбу (ИВП. С. 35). Келейником Германа Соловецкого был каргополец Василий Быков, принявший постриг с именем Варлаама, позже духовный отец Андрея Денисова, Даниила Викулина и Петра Прокопьева (ИВП. С. 124—126, Зав—3, л. 86). Соборный старец Соловецкого монастыря Геннадий Качалов посещал Толвую и Повенец, а затем переселился на Выг, был особенно близок с такими известными впоследствии деятелями общежителюства, как Захарий Стефанов Дровнин и Петр Ануфриев Кошелев (Ег—1137, л. 265—265 об.). Деятельное участие в организации внутренней жизни пустыни принял соловецкий священноинок Пафнутий (ИВП. С. 107).

Не только соловецкие монахи бежали в Поморье; здесь искали убежища и выходцы из других русских монастырей. Как отмечается в выговском Житии Ивана Внифантьева, Иван, услышав о существовании «осталцев от соловецких отец», «ища по многим пустыням около Соловецкого моря и многих обрете, не токмо Соловецкия обители, но и Кириловы Белозерскаго и Корнилиевы Вологоцкаго и прочих, по разным местом, а множае в Выгорецкой пустыни» (Попов—207, л. 165 об.). Среди них были иноки Корнилий, постриженник Корнилиево-Комельского монастыря, исполнявший различные службы при патриархах Филарете,

² В книге принята следующая система отсылок к рукописным источникам: сокращенное название фонда, через тире номер рукописи в собрании, листы. Полные сведения см.: Т. 2 наст. изд.: Шифры рукописей, использованных в работе.

³ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни (далее — ИВП). СПб., 1862. С. 27. Расшифровку сокращений, используемых здесь и далее при ссылке на опубликованные источники, см. в Списке сокращений в конце данного тома.

Рис. 1. Река Выг у с. Данилова. Фото 1993 г.

Иоасафе и Иосифе (ИВП. С. 85, 124; ЖКВ. С. 72—75, 97), Кирилл Сунский (ИВП. С. 46, 85, 124), Питирим, постриженник Юрьегорского монастыря, близ Олонца (ИВП. С. 46, 85, 127—128), Виталий, принявший постриг в одном из московских монастырей (ИВП. С. 85, 120; ЖКВ. С. 93—94), Прокопий Нижегородский (ИВП. С. 128—130).

Ушедшие в Поморье старообрядцы скрывались в глухих лесах и пустынях, переходя от места к месту. Однако постепенно, уже с конца 70-х гг. XVII в., их внимание все больше стала привлекать расположенная на восточном берегу Онежского озера, по течению реки Выг, Выговская пустынь, непроходимые дебри и болота которой могли служить надежной защитой от непрошенных гостей. Это был совершенно неосвоенный район, лежащий между черносошными, обельными и монастырскими землями. О преимущественном заселении старообрядцами Выговской пустыни свидетельствует и Иван Филиппов: «старожитнии они отци, остальцы соловецкия и прочих обителей, крыяхуся по пустыням поморским, около Онега озера, в Шунге, в Толвуи, в Повенце, паче же в сей Выговской и Водлозерской пустынях» (ИВП. С. 80—81). Однако еще в первой половине 80-х гг. XVII в. здесь были только отдельно стоящие кельи пустынножителей и их ближайших сподвижников; общего старообрядческого поселения не су-

Рис. 2. Река Выг при впадении в нее реки Березовки. Фото 1993 г.

ществовало: «Тогда бо еще Выговская пустыня не многия име жители и приходяше иногда к Выгу и ту пожив малое время, паки отходяше и тако от места до места преходя, скиташеся, по апостолу, в пустынях и горах и вертыпах и пропастьех земных, всякую пустынную нужду терпя и труждашеся ради приобретения пищи» (ИВП. С. 127—128).

Новая волна старообрядческого освоения Выговской пустыни приходится на середину 80-х гг. XVII в. и связана с деятельностью Игнатия Соловецкого и Емельяна Повенецкого, развернувших активную проповедь древнего благочестия среди местных крестьян. Палеостровские «гари» 1687—1688 гг. имеют прямое отношение к истории Выговского общезнательства.

Проблема самосожжений в старообрядчестве представляется крайне сложной и еще недостаточно изученной. Документальный материал, в тех случаях, когда его удастся полностью выявить, как по Каргопольским «гарям» 1683—1684 гг., указывает на вынужденный характер «огненной смерти»⁴. Старообрядцы, переходя на новые, незаселенные места и осно-

⁴ Подробнее см.: Юхименко Е. М. Каргопольские «гари» 1683—1684 гг. (к проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.). М., 1994. С. 64—119.

вывая здесь свои поселения (по деревенскому типу), все время находились под угрозой преследования, что заставляло их принимать меры к укреплению и возможной обороне своих «селищ». Самосожжение происходило лишь тогда, когда воинская команда, окружив постройки, грозила «добыть» непокорных живыми, что означало либо отказ от старообрядчества, либо предание градскому суду и смертную казнь.

В отношении Палеостровских «гарей» мы пока не располагаем исчерпывающим документальным материалом. Отдельные выявленные документы не дают полной картины этих событий, однако очевидно, что захват старообрядцами Палеостровского монастыря имел особый идейный смысл: попытку повторить подвиг стояния за веру соловецких сидельцев⁵.

По сообщению старообрядческого историка, о том, что Выговская пустынь становится оплотом древнего благочестия, донесли властям Палеостровского монастыря старцы и местные священники: «а писаху в скасках своих и во отписках и в доездах, что выходцы старцы из Соловецкаго монастыря живут, крыются в Выгорецкой пустыни по лесам и выходя ис пустыни, ходят по селам и по погостом и волостям и людей простых учат крепко стояти в старой вере. <...> И многия люди от их учения к церквам не приходят и не причащаются и бегают, дома своя покидающе, крыются с ними в лесах в Выговской пустыни» (ИВП. С. 35). Был организован розыск: «послаша в Выговскую пустыню легких людей на лыжах со оружием и с жожами на взыскание старцов и прочих с ними скитающихся христиан, а жожами Палеостровскаго монастыря старцы и слуги, и начаша взыскивати: овых поймавше, а овия от них убежавше, но гонители которыя келии их взыскавше, ограбиша и огнем сожгоша» (ИВП. С. 37). Поскольку известно, что многие келии, в том числе и келья Игнатия Соловецкого, находившиеся в самых глухих местах, ближе к центру района, остались неразоренными, можно предположить, что эта «посылка» зимы 1687 г. прошла только по краю Выговской пустыни. Игнатий не стал дожидаться прихода воинской команды: «Умысли дивный отец, — пишет выговский историк, — предивныя памяти достойное умышление и собравшись со своими, поиде на лыжах ко Онегу от гонительства их и прешед чрез Онего и пришед в Палеостровский монастырь, затворися со своими ученики, тамошних же жителей, желающих

⁵ См.: *Шашков А. Т.* Самосожжения как форма социального протеста крестьян-старообрядцев Урала и Сибири в конце XVII — начале XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 296—297.

благочестия, к себе прияша» (ИВП. С. 38). В решении Игнатия предупредить дальнейшее продвижение солдат вглубь, покинуть свои уже обжитые места и захватить монастырь на острове Палья можно усмотреть стратегический маневр: старообрядческие «пристанища», которыми позже воспользовались основатели общежителства, остались неразоренными.

Под монастырь была послана воинская команда в 300 человек «или болши» (согласно Ивану Филиппову, 500 — ИВП. С. 38), которым царским указом от 13 февраля 1687 г. предписывалось, в случае неповиновения старообрядцев, «по последней мере» «чинить промысл и радеть о том, чтоб однолично тех воров искоренить и из монастыря выбить и монастырь очистить, а переимав, о том воровстве розыскивать»⁶. Некоторые из сподвижников Игнатия, в том числе Емельян Иванов сын Второго, прозванный также Повенецким, покинули Палеостров; оставшиеся же, оказав вооруженное сопротивление осаждающим, погибли в огне 4 марта 1687 г.

Через полтора года, летом и осенью 1688 г., события повторились.

Относительно второй «гари» мы имеем возможность подтвердить данными документальных источников фактическую сторону повествования «Истории Выговской пустыни».

Емельян Повенецкий вновь поселился в Выговской пустыни⁷, выходя отсюда проповедовать старую веру в окрестные селения (ИВП. С. 46—47). Об этом сообщал и митрополит Новгородский Корнилий олонецкому воеводе Василию Долгорукову: «в Олонецком уезде явился прежний вор и церковный раскольник Омелька Иванов, который в прошлом во 195 (1687) г. своим злодейством многие христианские души от церкви Божией, прельстя, отлучил, и в Палеостровском монастыре згорели <...> а ныне он же прелестник в Толвуйском и в иных погостех той же своей прелести поучал и православных христиан прельстил, из домов, подговаривая, уводит в скверное свое соборище, а собрание его, чаять,

⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 3616. Л. 4.

⁷ В 1700 г. игумен Палеостровского монастыря Кирилл в изветной челобитной отмечал, что Емельян Иванов в 1687 г. «ис того нашего монастыря выбежал на лес в свои воровские прежние станы, ис которых выходил наперед того в Шунской и в Толвуйской и в Челмужской погосты» (РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4816. Л. 41). О Емельяне Повенецком см. интересную статью А. Т. Шашкова: *Шашков А. Т. Иван Евстафьев Второго и его сын Емельян (из истории социального и религиозного протеста жителей Заонежья во второй половине XVII в.)* // Проблемы истории России. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 333—346.